

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев. М., 1973, 406 стр.

Термины «историко-этнографическая область» и «культурно-хозяйственный тип», выдвинутые в свое время М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым, достаточно хорошо известны и включены учеными нашей страны и многими зарубежными исследователями в общую систему этнографических понятий.

Вместе с тем изучение историко-этнографических областей как целого зачастую подменяется суммированием знаний, накопленных по отдельным народам той или иной провинции, в рамках отдельных коллективных монографий. При этом нередко за основу принимается развитие этноса в настоящее время, а история взаимоотношений народов (их иногда называют общностью исторических судеб народов провинции), как правило, выносится за скобки и как бы подразумевается, теряясь за другими материалами.

Возникновение после второй мировой войны новых государств, основу которых составили бывшие колонии, например, в Азии, не обладающие этническим единством, естественно, усилило интерес к некоторым надэтническим представлениям прошлого, способным противостоять определенным этнически центробежным тенденциям.

Безусловно, недавнее колониальное прошлое также составляет часть общей исторической судьбы историко-этнографической провинции: в борьбе с колонизаторами в значительной мере складывалось представление об общерегиональной цели борьбы, т. е. создавалось определенное единство.

Причина жизнестойкости объединений, подобных Индии или Индонезии, по всей вероятности, лежит глубже и может быть прослежена в более древних слоях истории.

Символом независимой Индии, например, стала капитель «колонны Ашоки», многие политические партии, имеющие общеиндийское значение, также присвоили себе древнеиндийские символы. Почему же период Ашоки, период империи Маурьев приобрел такое большое символическое и идеологическое значение в настоящее время? Дело, очевидно, не только в том историческом факте, что в эпоху Маурьев под единой властью оказалась большая часть индостанского субконтинента. Эта эпоха ознаменовалась также важными сдвигами в этнических процессах, без знания которых трудно представить и понять этногенез современных индийских народов и этнические процессы, наблюдаемые в современной Индии.

Изучение указанного периода усложняется некоторой фрагментарностью исторических, археологических и палеоантропологических источников; незначительное число обобщений всего комплекса историко-этнографических материалов отмечалось на конференции по археологии Азии (совпавшей со столетием индийской археологической службы) в 1961 г. С тех пор появилось несколько работ за рубежом, частично восполнивших этот пробел, и серия статей по Кушанам и Маурьям в советской литературе.

Недавно вышедшая монография Г. М. Бонгард-Левина вызвала большой интерес специалистов, занимающихся данной проблемой. И это не случайно. Перед нами фундаментальный обобщающий труд по историко-культурному развитию Индии эпохи Маурьев. Автор поднимает ряд проблем, имеющих важное значение не только для исследования древней Индии, но и раннеклассовых обществ в целом, причем предлагает оригинальные решения, выдвигает интересные гипотезы.

Рецензируемая работа основана на огромном количестве разнообразных источников — индийских, цейлонских, античных, на данных эпиграфики, литературных сочинений, религиозно-философских текстов, на материалах археологии и т. д. Следует особо отметить, что автор ввел в научный оборот ранее неизвестные рукописи, которые он изучал в Индии и Шри Ланке.

Книгу отличает обилие солидно аргументированных источниковедческих данных. Нельзя не признать, что одно это было бы весьма ценным вкладом в индологию. Однако автор, так щедро поделившийся результатами своего кропотливого труда над источниками, не ограничился этой стороной вопроса.

Г. М. Бонгард-Левин сумел выявить основные черты общественной структуры, системы управления, нарисовать широкую картину быта, круга интересов и представлений, идейной борьбы того периода. Это исследование позволит по-новому понять значение эпохи Маурьев и пересмотреть старые традиционные представления о ней.

Структурно рассматриваемая работа состоит из пяти разделов, в которых анализируется политическая история Индии VI—IV вв. до н. э., экономическое и социальное развитие, система управления, идеология и, в частности, особенности развития религиозно-философской мысли. Многочисленные комментарии и подробный этнографический очерк свидетельствуют о прекрасном знакомстве автора со всей имеющейся научной литературой по этим проблемам.

Трудно выделить в данной работе разделы, которые в большей мере «этнографичны»: сведения, которые могут представить интерес для этнографа, есть во всех разделах. Так, уже при разборе источниковедческой базы работы автор дает описание индо-эллинских и индо-персидских культурно-контактных зон.

Рассматривая данные цейлонских буддийских хроник («Дипавамсы» и «Махавамсы»), автор прослеживает возможные пути культурного взаимодействия Цейлона и Индии и т. д.

Период, которому посвящена работа, характерен значительной ролью «немонархических образований» (стр. 58), в том числе догосударственных родо-племенных союзов в периферийных по отношению к Северо-Западной и Северо-Восточной Индии районах. Г. М. Бонгард-Левин первый в отечественной науке уделит столь значительное внимание истории, социальной структуре, системе управления *ган* и *сангх* — немонархических объединений и республиканских государственных образований. Приведенные автором материалы чрезвычайно важны для понимания особенностей политической организации в древней Индии и представляют интерес для решения целого круга проблем этнокультурной истории страны. Следует учитывать, что во второй половине I тысячелетия до н. э. некоторые родо-племенные союзы, разлагаясь или будучи подчинены более сильным образованиям с четкой государственной структурой, приобретали и свое этническое название. Это, конечно, не говорит о том, что данные названия затем в неизменном виде дошли до нашего времени, однако компактные одноязычные и экономически объединенные группы населения с единым этнонимом на территории субконтинента особенно интенсивно складывались в рассматриваемый период.

Важное значение для развития этнических процессов в более поздние периоды и для возникновения определенных представлений о надэтнической, субконтинентальной общности народов Индии имела сложившаяся к эпохе Маурьев культурная зона, локализованная долиной Ганга, прежде всего древней Магадхой.

Касаясь этого вопроса, Г. М. Бонгард-Левин пишет: «Ортодоксальная традиция соотносила с Магадхой племена неарийского происхождения и племена вратьев, которые не были или были лишь частично арианизированы». И далее: «Брахманы считали Магадху неподходящим местом для проживания ортодоксальных учителей. И не случайно именно здесь, судя по буддийским и джайнским сочинениям, рано распространились антибрахманские идеи, появились еретические школы» (стр. 239).

Возможно, опора на традицию не дает права с уверенностью утверждать, что население этого региона было по преимуществу неарийского происхождения. Известно, например, что проникновение индоариев происходило постепенно, отдельными волнами и по-разному проходил процесс взаимодействия с доарийским субстратом. Более того, ортодоксальность в силу даже одного своего догматического качества нередко объявляет индоплеменным и дурным все, что расходится с ее канонизированной ортодоксальностью. На этот факт, в частности, обратил внимание французский медиевист М. Блок, который писал: «Всякий, кто отличается от нас, — иностранец, политический противник — почти неизбежно слывет дурным человеком»¹.

Г. М. Бонгард-Левин убедительно показывает, в силу каких историко-экономических обстоятельств Магадха и более южные районы долины Ганга превратились в район зарождения основных идейных течений древней Индии, без понимания которых невозможно осмыслить этнообразующие идеи складывающихся ныне национальных общностей на территории страны.

Весьма плодотворна высказываемая автором мысль о том, что социальные процессы, система управления империей Маурьев требовали адекватной идейно-религиозной основы. В некотором отношении данный процесс можно сравнить с тем, который наблюдался позднее в Римской империи периода христианизации. Как известно, Ф. Энгельс образно сравнивал этот процесс с «нивелирующим рубанком», под действием которого исчезали «все национальные», т. е. местные, этнические различия, когда все «становилось римлянами»². Буддизм, ставший в эпоху Маурьев преобладающей религиозной системой, несмотря на то, что он затем уступил место иной, индуистской системе религиозных взглядов, немало способствовал как этнической, так и мировоззренческой нивелировке субконтинента.

Автор обоснованно полагает, что отсутствие связи буддизма с конкретным языком также способствовало его широкому распространению, т. е. снимало те ограничения, которые накладывал, скажем, на распространенность брахманизма санскрит. Вместе с тем нельзя, очевидно, отрицать и значение буддизма в распространении языка тогдашней метрополии, Паталипутры, хотя бы потому, что последующее или синхронное распространение индоевропейских языков в Индии очень близко границам империи Маурьев.

Значение языкового барьера, конечно, невозможно отрицать, однако для этнической истории Индостанского субконтинента более важное значение имело распространение явлений не языкового порядка, а религиозно-философского, мировоззренческого плана.

Г. М. Бонгард-Левин вскрывает причины широкого распространения буддизма в эпоху Маурьев, особенно его взаимодействия с ортодоксальными направлениями и «еретическими школами», на основании местных и античных источников рисует первые этапы истории вишнуизма, шиваизма, бхагаватизма. Все эти вопросы важны не только для изучения собственно маурийской эпохи, но и для понимания последующего развития религиозной и религиозно-философской традиции Индии.

¹ М. Блок, Апология истории, М., 1973, стр. 79.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 146, 147.

Именно эти элементы духовной культуры (разумеется, наряду с социально-экономическим развитием и на его основе) возвращают нас к вопросу об исторической общности судеб, к историко-этнографической общности, которая служит мощным фундаментом современных этнических процессов. Поэтому-то внимание этнографа и должно вернуться к временам, рассматриваемым в монографии.

Монография Г. М. Бонгард-Левина представляет значительный интерес не только для индологов, но и для античников, медиевистов, этнографов, религиоведов, филологов, социологов. Естественно, что ученые разных специальностей могут высказать свои соображения по отдельным аспектам трактовки источников, оценить значимость тех или иных выводов автора. Однако не это было целью данной рецензии. Мы стремились привлечь внимание этнографов к весьма ценному исследованию — крупному вкладу в науку о древности, вводящему в научный оборот ряд новых или по-новому трактуемых источников. Не случайно его автор получил премию имени Джавахарлала Неру.

С. И. Королев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Национальные процессы в США. М., 1973, 400 стр.

Среди публикаций последних лет, посвященных исследованию этнических и национальных процессов в различных странах мира, коллективная монография, подготовленная сотрудниками сектора народов Америки Института этнографии АН СССР, занимает особое место. Это обусловлено, прежде всего, значимостью объекта исследования, в качестве которого избрана страна, занимающая главенствующее положение в капиталистическом мире. Интерес советских читателей к жизни американской нации, к происходящим внутри США процессам весьма велик, но удовлетворить его не так-то легко. Историческое развитие этой нации (сложившейся на базе переселенцев из Великобритании и других стран Европы и постепенно интегрировавшей прибывавшие в США новые группы иммигрантов, а также группы негритянского и индейского населения) очень своеобразно, и не все аспекты национальных процессов хорошо изучены. Авторский коллектив взялся за трудную задачу, и в своем исследовании, состоящем из 13 глав, сумел охватить и в целом достаточно хорошо осветить широкий круг вопросов.

В первой главе «К вопросу о сложении нации США и некоторых тенденциях ее развития», выступающей в роли обзорно-теоретического введения ко всей работе, обсуждаются о концепциях формирования и развития американской нации, характеризуются этнические противоречия в ходе первой буржуазной революции, некоторые особенности развития экономики и культуры населения США.

Глава вторая «Этнический состав населения США. Краткий историко-статистический обзор» создает важную базу для исследования национальных процессов. В главе кратко характеризуются колонизация и рост населения США в XVI—XVIII вв., территориальная экспансия США в XIX в., иммиграция и рост населения до гражданской войны, изменения в этническом составе населения до гражданской войны, рост населения после 1860 г., иммиграция и этнический состав населения во второй половине XIX и начале XX в., рост населения с 1920 по 1970 г., иммиграция и этнический состав населения в 1920—1970 гг. Особо следует сказать о приложенной к главе карте «Этнический состав населения США (1970 г.)», на которой показано расселение собственно американцев (с выделением негров) и недавних переселенцев в США (два поколения по странам выхода). К достоинствам карты относится показ этнического состава крупных городов США, к недостаткам — отсутствие на ней индейцев и некоторых других меньшинств.

Главу третью «Историческое развитие американской нации (XIX в.)», вероятно, правильнее было бы назвать «Историческое развитие иммигрантских групп в США», так как она посвящена именно этой тематике. В главе рассматривается динамика состава иммигрантов в XIX в., генезис их основных групп (ирландцев, немцев, англичан, скандинавов, итальянцев, евреев и др.) и особенности включения каждой из них в экономическую и социальную структуру американского общества. Автор обращает пристальное внимание на роль складывавшихся в США особых так называемых национальных иммигрантских групп, которые, с одной стороны, образуют своего рода этнические переходную стадию включения переселенцев в американскую нацию, с другой стороны, объединяя иммигрантов в этнокультурном, а нередко и в семейном отношении, обычно существенно тормозят процесс их окончательной ассимиляции.

В главе четвертой «Индейцы — коренное население США» даны история отношений индейцев с европейскими поселенцами в колониальный период (с выделением юго-западной части США, входившей тогда в сферу испанской колонизации), положение индейцев в США в период 1775—1865 гг. и во время гражданской войны, процесс от-